

П. С. Заботин. Преодоление заблуждения в научном познании. М.: Мысль, 1979. 192 с.

Книга П. С. Заботина — первое монографическое исследование, посвященное проблеме заблуждения в научном процессе. Это обстоятельство, а также значительный фактический материал из истории различных областей научного знания, привлекаемый автором, позволяет рекомендовать данный труд вниманию историков науки. Как сказано во вступительном слове к книге, написанном акад. Н. П. Дубининым и известным советским философом Э. В. Ильенковым, она представляет собой серьезное исследование сложнейшей специальной проблемы теории познания, изложенное языком, понятным широкой научной аудитории.

Автор ставит перед собой следующие задачи: определить место заблуждения в познавательном процессе и проанализировать соотношение категории заблуждения с другими категориями познания; выявить общественно-историческую обусловленность, объективные и субъективные источники заблуждений и дать их типологию; рассмотреть условия, способствующие преодолению заблуждений в научном познании (с. 9). Из этого перечня видно, что содержание работы шире, чем можно было бы предположить, исходя из названия монографии. Но это вряд ли является недостатком, поскольку анализ преодоления заблуждений выступает во всех пяти главах книги в качестве конечной цели исследования.

Решающий отличительный признак заблуждения, по мнению автора, — обусловленность его конкретно-исторической ограниченностью практики и самой познавательной деятельности (с. 75—77). Этот критерий позволяет ему отличить заблуждения от ошибок как таковых. В качестве объективных и наиболее глубоких источников заблуждений в монографии указываются незавершенность знания и ограниченный характер практики; отставание познания от практики; абсолютизация наличного знания; характер исторической эпохи и др. В то же время автор высказывается против чрезмерного разграничения заблуждений и ошибок. Последние зачастую имеют под собой некоторые не зависящие от субъекта основания, такие ошибки выступают как частная форма проявления заблуждений (с. 72). С другой стороны, существуют не только объективные источники заблуждений, но и такие,

которые могут быть охарактеризованы как субъективные, обусловленные познавательной деятельностью субъекта. Таковыми являются при определенных условиях, оговариваемых автором (с. 137—138 и др.), догматизм и релятивизм.

Исследуя заблуждение, автор не превращает его в необходимый момент развития науки, а сосредоточивает свое внимание на выявлении исторических причин и роли заблуждений. Существовали условия, когда знание могло развиваться только в своей «заблужденческой», а не истинной форме. В качестве иллюстраций автор рассматривает, например, алхимию и флогистонную теорию; представление об эфире и др. Однако и в этом случае «успехи науки на основе подобных относительно заблуждений были достигнуты... потому, что в заблуждениях наличествовали «зерна» истины» (с. 48). Иначе говоря, алхимики и астрологи все-таки внесли положительный вклад в развитие познания прежде всего в качестве химиков и астрономов (там же).

В краткой рецензии невозможно высказаться по многим интересным вопросам, затронутым в монографии. Остановимся в заключение на некоторых моментах, вызывающих сомнение или несогласие с автором.

Изучение заблуждения не представляет самостоятельного предмета, а возможно лишь в качестве составной части исследования развивающегося познания. Но именно поэтому представляется недостаточным внимание, которое уделено в работе роли противоречия в становлении науки, в частности значению открытия антиномий и их разрешения. Автор непоследователен в оценке возможностей формальной логики в качестве средства обнаружения заблуждений (с. 62—63, 183). Книга, вероятно, выиграла бы, если бы определение заблуждения было дано ближе к ее началу (оно обсуждается на с. 74—77).

Но указанные, а также более мелкие недочеты следует оценивать, имея в виду, что речь идет о весьма содержательном труде, где собран и систематизирован значительный материал, сделан новый шаг в исследовании актуальной и трудной проблемы.

А. А. Перова, С. П. Сайко (Воронеж)

В нашей литературе об античной географии явно нехватало обобщающего труда о теориях и гипотезах географов древнего мира. Переведенный с английского языка труд Д. О. Томсона, появившийся у нас в 1953 г., написан на языке оригинала еще в 1948 г. и ныне устарел. Поэтому следует приветствовать исследование А. Б. Дитмара, давно и плодотворно изучающего проблемы истории географических знаний греко-римского мира.

Как известно, вклад античных географов в науку европейского Средневековья, Возрождения и Нового времени весьма значителен. Назовем тезис о шарообразности Земли, попытки определить размеры земного шара, признание существования мирового океана, учение о климатических поясах, реалистическое объяснение природы солнечных и лунных затмений, предположение о возможности западного океанского пути в Индию, ряд замечательных догадок о природе землетрясений, круговороте воды в природе, происхождении подземных вод, притяжении Луной водных масс как причине приливов и др. Геоцентрическая система мира, разработанная Аристотелем и Птолемеем, была не только воспринята Средневековьем, но и до XVI—XVII вв. стала одним из краеугольных камней мирозерцания средневековой Европы.

К сожалению, нам известно далеко не все о науке античного мира. Многие дошло до нас в виде фрагментов, в пересказах, весьма многое спорно или даже недостоверно.

Рецензируемый труд — весьма ценное исследование. Автор поставил перед собой задачу изучить эволюцию физико-географических идей античности, сказать свое слово в мало разработанных проблемах истории географических знаний. Заслугой автора является и раскрытие гносеологической стороны развития античной географии, показ закономерностей научного познания мира. Источниковедческая основа работы может считаться исчерпывающей для темы книги.

Конечно, хотелось бы видеть более широкую картину древней географии — библейскую географию, представления о Земле древнего Востока — ученых и философов Индии, Ирана, Египта, Вавилона, несомненно повлиявших на натурфилософию древней Эллады, но это пожелание потребовало бы для своего воплощения огромного труда.

Весьма обширна библиография книги, в ней учтены новые и старые работы русских, советских и зарубежных ученых (последние — на французском, немецком, английском и итальянском языках). В монографии отсутствуют географический и именной указатели, что совсем недопустимо. Легко ли найти, где в книге упомянут Сенека или Полибий, надо затратить часы на поиски нужной информации... Этот упрек, конечно, адресован редакции.

Первая глава книги посвящена периодизации истории античного мира. Затем раскрываются географические идеи античных ученых. Автор критически относится к тезису, приписываемому Фалесу признание шарообразности Земли, деление года на 360 дней и даже определение видимых размеров Солнца. Заслугу Фалеса А. Б. Дитмар видит в том, что он отошел от мифологического объяснения природы землетрясений, согласно которому Земля колеблется от ударов трезубца разгневанного Посейдона. Фалес объяснял землетрясения тем, что суша плавает в океане и, подобно кораблю, ее колеблют волны. Естественным путем объяснял Фалес и разливы Нила.

Немало серьезных аргументов приводит автор, подчеркивая вклад в науку Анаксимандра. Весьма интересны соображения о содержании не дошедшей до нас карты Анаксимандра. Показано значение натурфилософии древней Греции для дальнейшего развития античной географии — взглядов Анаксагора, Эмпедокла, Левкиппа, Демокрита, подготовивших почву для учения о природе Аристотеля и его последователей.

В следующих главах показывается вклад в географию Аристотеля, обобщившего географические и естественнонаучные знания предшествующей эпохи. Аристотель впервые выделил из физической географии особую отрасль знания — метеорологию. Знаменитое доказательство Аристотелем шарообразности Земли по тени Земли на Луне во время лунного затмения стало классическим. Великий греческий ученый высказал верную мысль о том, что ойкумена вытянута с запада на восток и ее форма близка к овалу.

Эпоха эллинизма была порою прогресса античной географии. Походы Александра Македонского, экономические и культурные контакты Греции с Египтом, Средней Азией, Индией, путешествия послов эллинистических царей в далекие страны Востока подготовили подъем географической науки. Эратосфен определяет размеры Земли. Гиппарх положил начало градусному измерению нашей планеты. Весьма интересны гипотезы античных ученых о существовании новых материков, кроме ойкумены. Таковы мнения Кратеса, Цицерона, Плутарха, Сенеки с его знаменитым «пророчеством» об открытии Америки (в трагедии «Медия»). В географии римской эпохи значительное место занимает Птолемей.

Последние главы книги раскрывают принципы географического районирования ойкумены и взгляды античных ученых на процессы, изменяющие поверхность Земли (теории высыхания моря, заполнения внутренних морей наносами рек и ряд других).

Книгу А. Б. Дитмара с интересом прочитают и будут ею пользоваться как географы, так и историки античности.

М. А. Коган (Ленинград)

Биологические термины часто ассоциируются со значениями, которые они имели в рамках минувших традиций; в разных областях исследований они могут иметь особые смысловые оттенки. Это относится и к термину «направленность» в такой сложной области, как изучение процессов эволюции. Т. Сутт подчеркивает необходимость четко различать смысл, который разные авторы придавали этому термину. Существенно, что понимание направленности эволюции тем или иным автором Сутт рассматривает в контексте их эволюционных концепций.

Начиная с анализа постановки этой проблемы у Ламарка и Дарвина, автор отмечает, что у Ламарка направленность выступает как прогресс органических форм — возрастающее усложнение организации, стремящееся поддержать «правильный ход градации»; причины прогрессивной эволюции Ламарк видел в автономных факторах — идее, которую защищали позже Коп, Нэгели, Берг.

Сутт уделяет большое внимание анализу взглядов Бэра, Нэгели, Копа, Эймера, вступая при этом в полемику с другими авторами, в частности пытаясь переоценить концепции Бэра и Эймера. Анализируя (на основе своих специальных исследований) истоки и рациональное ядро телеологии К. Бэра, автор подчеркивает, что Бэр проводил тонкое различие между целью, понимаемой как момент органического развития, и целью как моментом процесса целенаправленного индивидуального развития. Отмечая, что одностороннее понимание необходимости является сведением ее на уровень случайности, Бэр фактически критиковал абсолютный детерминизм в духе Лапласа. Он рассматривал направленность процессов развития как проявление их организованности и, таким образом, привлекал внимание к важному объективному свойству процессов развития. В то же время закономерности целенаправленного индивидуального развития Бэр полностью переносил на развитие историческое.

Работы А. Н. Северцова Сутт характеризует как новый уровень разработки проблемы. Вновь в центре внимания оказывается проблема прогресса. Северцов различает биологический и морфологический прогресс; выделяет четыре основных направления эволюционного прогресса и соответствующие им виды эволюции; наконец, существенное значение имеет постановка им вопроса о закономерной смене одного направления другим.

В новейшей истории, которую автор связывает с рассмотрением теоретических аспектов проблемы, важное место занимают взгляды И. И. Шмальгаузена. Процесс эволюции у Шмальгаузена выступает как суперпозиция множества целенаправленных процессов, которые определяются конкретными формами взаимодействия организмов и среды, т. е. дарвиновой борьбой за существование. Интересно, что в связи с отходом от редуccionистских концепций в изучении микроэволюции за последние десятилетия в этой области ширится признание эвристической ценности идей Шмальгаузена.

Сутт рассматривает ряд понятий, которые Б. Ренш, Дж. Хаксли, Дж. Симпсон, В. Бок ввели в связи с проблемой направленности эволюции, и сопоставляет их с северцовой характеристикой морфофизиологического прогресса и другими представлениями. Такие сопоставления, с выделением тонких различий, следует признать важным положительным моментом книги.

В разделе, посвященном трактовке проблемы направленности при изучении процессов микроэволюции (гл. 8, § 5), наиболее интересным мне представляется изложение взглядов К. Л. Паавера (принцип структурированности времени и др.), работающего в области пересечения неогенной палеобиологии. Однако уже сам факт, что автор уделил такой существенной теме лишь три с половиной страницы, вызывает разочарование. Выборка концепций и авторов недостаточно репрезентативна. Автор переносит из 1930-х и 40-х в 70-е годы разработку основных принципов микроэволюции (Н. В. Тимофеев-Ресовский) и генетики популяции (Е. А. и Н. В. Тимофеевы-Ресовские, С. Р. Царапкин, К. Циммерман и др. и параллельно Д. Д. Ромашов и В. Н. Беляева). Здесь не оказывается места для таких тем, как сравнение микро- и макроэволюции в отношении направленности, обратимости, предсказуемости. Между тем история этой области может дать чрезвычайно любопытный материал, например: дискуссия по поводу изученного Е. И. Балкашиной изменения «аристопедия» («счастливые уроды» и макромутации Р. Гольдшмидта и пр.), принцип флуктуирующей изменчивости (и эволюционного становления устойчивости развития) Б. Л. Астаурова; принцип направленной и ограниченной мутационной изменчивости Д. Д. Ромашова («фенотипический параллелизм», открытый на явлениях, которые позже К. Уоддингтон

привлек для построения концепции «канализированного» развития); мысли Н. К. Кольцова о возможной роли открытого Стёртевантом явления дубликации генов и недавние работы С. Оно.

Другая важная для обсуждаемой проблемы тема — структурные ограничения процесса эволюции (гл. 10, § 2). Упомянут изящный результат А. Г. Волохонского о формальной структуре генетического кода как проявления оси симметрии 5-го порядка. Однако этот фрагмент расположен так, что у неискушенного читателя может возникнуть впечатление, что Волохонский черпал вдохновение то ли у Рене Тóма, то ли у А. А. Любищева, тогда как это — частный случай положения, давно известного кристаллографам (и особенно подчеркиваемого В. И. Вернадским), по которому в «живом веществе», в отличие от кристаллов, возможны оси симметрии 5 и выше 6 порядков. Вообще же здесь трудно обойтись без хотя бы беглого обзора взглядов Вернадского. Так, в его очерке 1938 г. «О состояниях физического пространства (Размышления натуралиста. Книга I. М., 1975, с. 55) изложена идейная основа работы о структуре генетического кода и

предпосылки теоретико-множественных построений Ю. А. Урманцева, которые также было бы уместно обсудить в этом разделе. Интересной могла бы стать попытка трактовать в системе взглядов Вернадского о «жизненном времени» упоминавшиеся представления Паавера.

Конспективность изложения в небольшом объеме книги стала причиной того, что ряд важных моментов новейшей истории проблемы не попал в поле зрения автора. К отмеченным выше следует добавить идеи В. А. Догеля о полимеризации и олигомеризации и Н. К. Кольцова о прогрессивной эволюции. Некоторые другие проблемы (например, устойчивость и обратимость эволюции) автор не затрагивал сознательно, оставив их другим исследователям, а в результате пострадала всесторонность анализа проблемы. При чрезвычайной сжатости книга написана хорошим языком, имеется резюме и оглавление на английском языке, книга прекрасно издана. Важный (и столь частый!) недостаток — отсутствие указателей.

В. В. Бабков

И. А. Тюлина. История и методология механики. М.: Изд-во МГУ, 1979. 282 с.

Работа И. А. Тюлиной представляет попытку проследить основные этапы развития механики от античности до современного ее состояния. Книга отражает содержание курса лекций по истории и методологии механики, читаемого автором в МГУ, и предназначена главным образом для студентов механико-математических факультетов университетов. Знакомство с работой показывает, что это прежде всего историческое исследование: основная часть книги посвящена анализу фактов, описанию и сравнению работ отдельных ученых, оказавших влияние на формирование механики как науки. Однако слово «методология» в заглавии не является случайным. И. А. Тюлина поставила своей задачей параллельно с собственно историческим анализом рассмотреть основные проблемы мировоззренческого и методологического порядка, которые являлись предметом спора между учеными на всех этапах развития этой науки. Остановимся на некоторых аспектах методологического анализа механики, предпринятого автором.

В работе значительное место уделено проблеме становления научных понятий и концепций. На конкретном материале автор стремится проследить генезис абстракций, идеализаций и моделей, вводимых в учение о движении и равновесии материальных тел на различных этапах развития механики, их постепенное совершенствование и обобщение, превращение в строгие принципы. Мы видим, к примеру, как нечеткая и нестрогая закономерность типа «чем дальше от точки опо-

ры, тем эффективнее усилие» постепенно уточняется и превращается в «золотое правило статики», а затем в принцип виртуальных перемещений — основу аналитической статики. Сознательное подчеркивание такого рода генетических линий, выявление логики событий — отличительная черта рецензируемой работы.

Множеством фактов иллюстрируется, что становление научной концепции не происходит как простое усовершенствование и обобщение существующего знания, но представляет сложный процесс, состоящий из взаимодействия опыта и теории, практических запросов и математических идей, наконец, из противоборства различных мировоззренческих установок. Мировоззрение, порожденное уровнем познания и общественной практики, как это подчеркивается в монографии, оказывает обратное воздействие на процесс мышления ученых, определяет их методологию.

Автор не ограничивает свою задачу фиксацией мировоззренческих компонентов в методологии ученых. Методологический контекст подвергается в ряде случаев специальному исследованию. Интересным является в этом отношении, например, раздел, посвященный анализу взглядов Э. Маха на основные принципы механики (см. разд. VI, гл. 3).

Большое место уделено в книге вопросу возникновения нового в механике, выяснению источников новых идей. На протяжении всей монографии автор стремится к тщательному воссозданию идейного и практического контекста, в котором появилось

то или другое достижение мысли. Взаимодействие теории и практики в рецензируемой работе не просто декларативная установка, но принцип обоснования всех наиболее значительных сдвигов в теоретической и технической механике. Вместе с тем автору вполне удается избежать и вульгарного социологизма, объясняющего рост науки исключительно запросами практики, непосредственным толчком извне. В ряде глав мы находим интересные соображения автора о роли внутренних стимулов развития механики, о значении новых математических методов и т. д. (см. разд. IV, VI, § 2 и др.).

Хотелось бы, однако, указать на некоторые моменты, которые нуждаются в доработке или уточнении.

Во введении затрагивается вопрос о предмете механики как науки, о ее специфике по отношению к математическому и физическому знанию. Механика трактуется, с одной стороны, как наука эмпирическая, занимающаяся изучением закономерностей простейшей формы движения материи, а с другой — как наука математическая, излагаемая дедуктивным методом. Дедуктивный характер системы механики автор считает специфической чертой этой науки, выделяющей механику из многих физических дисциплин (см. с. 6). Такая трактовка механики является недостаточной. Неясен, во-первых, вопрос, в чем же состоит особое отношение матема-

тики к механике, в чем причина дедуктивности этой науки? Вопрос этот важен не только с точки зрения более точного определения предмета механики. Здесь затрагивается, на наш взгляд, вопрос о статусе математики в такой науке, как механика. Вопрос о предмете механики заслуживает более тщательного анализа именно с точки зрения понимания методологии этой науки.

В качестве недостатка монографии с запрограммированным методологическим аспектом можно указать также на слабое освещение мировоззрения отдельных ученых. Даже для таких корифеев механики, как Декарт, Гюйгенс, Эйлер, Остроградский, это делается довольно бегло. Методологический аспект выступает в работе несколько обезличенным, скорее в качестве общей тенденции времени, чем специфической характеристики мышления отдельных ученых. Такой «уход от личностей» вряд ли оправдан в исторической работе, в особенности если она предназначена для студенческой аудитории.

В целом монография И. А. Тюлиной является попыткой органически связать историю и методологию механики, проанализировать в контексте исторического исследования роль методологических предпосылок и мировоззрения ученого в развитии специальной науки.

В. Я. Перминов

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

История Геологического института АН СССР: Развитие института, его научные школы и библиография трудов. Авторский коллектив: В. В. Тихомиров, Ю. Я. Соловьев, Л. Б. Панютина, И. А. Гордина, И. Г. Малахова, Л. В. Бугельская. Редакция: А. В. Пейве (гл. и отв. редактор), В. Г. Гербова, В. А. Крашенинников, П. П. Тимофеев. М.: Наука, 1980. 224 с.

Основанный в марте 1930 г. Геологический институт АН СССР стал ведущим учреждением страны в области наук о Земле. Авторы книги рассказывают об организации и развитии института за период 1930—1979 гг., характеризуют сформировавшиеся в нем крупнейшие научные школы в области стратиграфии, литологии и тектоники, достижения которых получили общее признание в СССР и за рубежом. Усилиями коллектива института была сформирована новая отрасль — история геологических наук. В книге освещаются исследования, выполненные сотрудниками института в области всеобщей истории геологических наук, истории отдельных отраслей геологии, научно-биографического жанра, истории философских проблем геологической науки, методологических вопросов истории геологических наук, истории регионально-геологических исследований.

За 50 лет существования Геологического института АН СССР общее число опубликованных коллективом работ превысило 10 000 наименований. В книге помещена библиография трудов, изданных непосредственно институтом. Они распределены на четыре группы: Труды Геологического института АН СССР (1932—1979 гг.). Карты. Продолжающиеся и серийные издания. Отдельные издания.

Значительную ценность представляют помещенные в книге указатели литературы по научно-исследовательской тематике института. Указатели сопровождаются аннотациями и сгруппированы по тематическим разделам, а в пределах разделов — по годам издания. Книга снабжена также именным указателем.

Развитие авиационной науки и техники в СССР. Историко-технические очерки. Редакция: И. Ф. Образцов (гл. редактор), И. П. Братухин, В. А. Добрынин и др. М.: Наука, 1980. 496 с.

В книге показаны основные тенденции развития отечественной авиационной науки и техники, совершенствование методов исследования, расчета и проектирования летательных аппаратов, авиадвигателей, средств управления полетом. Рассказано о деятельности ведущих научно-исследова-

тельских и испытательных центров в области авиации в СССР.

В подготовке очерков участвовали выдающиеся советские ученые, конструкторы и организаторы производства в области авиационной науки и техники — академики А. И. Макаревский, И. Ф. Образцов, А. С. Яковлев, чл.-корр. АН СССР А. Т. Туманов, доктора наук В. А. Добрынин, В. И. Дмитриевский, А. К. Мартинов, А. Э. Нудельман, И. В. Остославский, Н. С. Строев, М. А. Тайц, В. В. Уткин, Р. Г. Чачикян, А. В. Чесалов, Р. Е. Шалин и другие видные специалисты. Каждый очерк широко обсуждался в соответствующих научных и конструкторских коллективах.

В отечественной историко-научной и научно-технической литературе по авиации до настоящего времени не было работ, охватывающих столь широкий круг вопросов, связанных с развитием этой отрасли в нашей стране за годы Советской власти. Если по отдельным направлениям развития авиации имеются публикации, то попытка изложения истории авиационной науки и техники в СССР как единой системы предпринимается впервые.

Авторы, рассматривая развитие авиационной науки и техники в нашей стране как органическую часть всей отечественной науки и техники, стремились показать этот процесс в неразрывной связи с развитием советского общества. В сборнике убедительно показано, как преимущества социалистического строя позволили в исторически короткий срок превратить нашу страну за годы Советской власти в могучую авиационную державу.

Очерки снабжены списками литературы и источников, рисунками, чертежами. В книге помещен именной указатель.

Рукописные материалы Ф. А. Цандера в Архиве АН СССР. Научное описание. Составители: Ю. С. Воронков, Ю. В. Клычников, Г. М. Салахутдинов, Л. Г. Самохвалова. Отв. редакторы: В. П. Мишин, Б. В. Левшин. М.: Наука, 1980. 128 с.

Издание подготовлено Отделением механики и процессов управления, Комиссией по разработке научного наследия Ф. А. Цандера и Архивом Академии наук СССР. В нем представлены в полном объеме систематизированные и классифицированные документы Фридриха Артуровича Цандера (1887—1933) — одного из пионеров ракетно-космической науки и техники. В издании нашли отражение работы Ф. А. Цандера в области теории космического полета, создания космических летательных аппаратов и их силовых установок, систем жизнеобеспечения космических аппаратов, а также представлены документы биографического характера.

Материалы и документы в описании расположены по разделам: I. Научные труды и другие творческие материалы. II. Биографические документы. III. Переписка. IV. Изобразительные документы. V. Документы о Ф. А. Цандере. VI. Личные документы родственников Ф. А. Цандера. В приложениях приводятся аннотации ра-

бот Ф. А. Цандера по авиационной и ракетно-космической технике, аннотации зашифрованных рукописей Ф. А. Цандера, хранящихся в Архиве АН СССР, а также переводные таблицы, облегчающие розыск нужных документов. Издание снабжено обстоятельным предисловием, предметно-тематическим указателем, рисунками.

Составители сборника выражают обособленную надежду, что его материалы будут полезны при дальнейшем исследовании творчества Ф. А. Цандера, истории отечественной ракетно-космической и авиационной науки и техники, а также при анализе различных проблем мировой истории науки и техники. Кроме того, эти материалы, впервые публикуемые в таком виде, создают предпосылки для подготовки полного собрания трудов Ф. А. Цандера.

Научное наследство, т. V. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911—1928 гг. Составитель и автор комментариев В. Д. Есаков. Отв. редактор тома С. Р. Микulinский. М.: Наука, 1980. 428 с.

Настоящий том открывает возобновленную Институтом истории естествознания и техники АН СССР серию «Научное наследство». Задача серии состоит в публикации неизданных трудов, дневников, воспоминаний и переписки выдающихся естествоиспытателей и творцов техники.

В томе опубликовано 576 писем, записок, заявлений Н. И. Вавилова (1887—1943), адресованных ученым, в научные и государственные учреждения. В числе адресатов — видные отечественные генетики, ботаники, селекционеры, географы, почвоведы. Материалы книги отражают широту интересов Н. И. Вавилова, показывают рождение и реализацию творческих замыслов, раскрывают его выдающийся вклад в организацию советской биологической и сельскохозяйственной науки, позволяют проследить напряженный жизненный пульс этого замечательного ученого и человека. Читатель найдет в книге новые данные, свидетельствующие о разносторонней деятельности Н. И. Вавилова по сохранению имеющихся генофондов и их использованию в интересах человечества, селекционной практике ученого, направленной на получение новых, более продуктивных сортов. «Я думаю, — писал Вавилов, — что научная работа неотделима от личной жизни. В этом особенность существования научного работника» (с. 247). Как нельзя более эти слова могут быть отнесены к жизни и научному творчеству самого Н. И. Вавилова.

Издание подготовлено Институтом истории естествознания и техники совместно с Комиссией по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова АН СССР. Ему предпослано «Слово о Н. И. Вавиллове» (авторы Д. К. Беляев и С. Р. Микulinский). Книга снабжена аннотированным именным указателем, а также указателями географических названий, русских и местных названий растений, латинских названий растений.